

— Я добавил немного успокаивающих благовоний, чтобы завтра у тебя не болела голова, — Сяо Цянь обнял Фан Минцзюэ, поцеловав его в макушку. — Спи. В праздник Юаньсяо я отведу тебя погулять. В прошлый раз не удалось, а на Юаньсяо устраивают фестиваль фонарей, там много интересного...

Его голос постепенно затих, растворившись в тишине.

Ночь была спокойной.

Холодный аромат благовоний витал в воздухе, и сердце Фан Минцзюэ постепенно застывало.

С двадцать восьмого дня двенадцатого месяца до праздника Юаньсяо утренние аудиенции не проводились.

Однако, несмотря на отсутствие аудиенций, Фан Минцзюэ не был тем, кто склонен к праздности. Он по-прежнему ежедневно посещал императорский кабинет, читал доклады или книги, словом, не позволял себе бездельничать.

Генерал Сяо был его полной противоположностью.

Целыми днями он ничего не делал, чувствуя, что за праздники набрал несколько лишних килограммов, и потому отправлялся на тренировочный плац. После праздников Фан Цзэхао был отправлен в северный лагерь за городом, и Сяо Цянь, потеряв объект для развлечений, скучал, бездельничал и наконец дождался дня Юаньсяо.

Ещё раньше было решено, что в этот день он выведет молодого императора из дворца.

Сяо Цянь встал рано утром, весь день занимался приготовлениями внутри и за пределами дворца, а как только стемнело, взял Фан Минцзюэ за руку и вывел его наружу.

Время было ещё раннее, на рынке людей было немного. Сяо Цянь выбрал две маски и надел их на себя и Фан Минцзюэ, чтобы избежать лишних глаз и опасности быть узнанными.

— Что это? — спросил Фан Минцзюэ, касаясь маски на лице и глядя на прилавок, где в холодном ветру стояли несколько фигурок из сахара.

— Сахарные фигурки, — взглянув на них, Сяо Цянь достал несколько медяков. — Хозяин, дайте две.

Продавец, засунув руки в рукава хлопчатобумажной куртки, с улыбкой протянул две фигурки. Фан Минцзюэ держал по одной в каждой руке, раздумывая, какую съесть, как вдруг одна из них оказалась во рту Сяо Цяня.

— Слишком сладко, — Сяо Цянь быстро разжевал фигурку и, не моргнув глазом, лизнул другую.

Фан Минцзюэ холодно посмотрел на него, отошёл на три шага и принялся есть свою фигурку.

Сяо Цянь широко улыбнулся, и маска свиньи на его лице идеально соответствовала его непристойным мыслям.

— Пойдём туда.

Они шли рядом, плечом к плечу, напоминая обычную пару, наслаждающуюся прогулкой.

Сяо Цянь покупал всё, что привлекало внимание Фан Минцзюэ, демонстрируя себя образцовым мужем из Наньюэ.

От шумного рынка они дошли до берега реки, где по воде тихо плыли фонарики.

— Куда плывут эти фонари? — Фан Минцзюэ смотрел на течение.

Окружающих было мало. Сяо Цянь, обременённый покупками, ответил:

— Это приток городского рва, они, вероятно, попадут в ров, а затем в реку и море. Говорят, желания, загаданные на фонариках, сбываются только тогда, когда они достигают края света. Хочешь запустить один?

Фан Минцзюэ молча кивнул.

У дороги как раз был прилавок с фонариками. Сяо Цянь выбрал один и взял кисть.

Фан Минцзюэ держал фонарик, написал что-то, а когда Сяо Цянь попытался заглянуть, отвернулся.

Сяо Цянь потер нос:

— Пойдём на мост.

— Там слишком много людей, — Фан Минцзюэ взглянул на мост, затем на тихую сторону. — Пойдём туда, там никого, спокойнее.

Сяо Цянь не возражал.

Они спустились к воде, оставив позади свет фонарей, и оказались в темноте, на уровне воды.

— Осторожно, — Сяо Цянь протянул руку, чтобы поддержать Фан Минцзюэ.

Тот махнул рукой, наклонился и опустил фонарик в воду. Вода забурлила, и фонарик, крутясь, поплыл вдаль.

Сяо Цянь, обладая острым зрением, сразу заметил две строки мелкого иероглифического письма на фонарике:

«Лишь бы ночь длилась вечно, чтобы воздать за всю жизнь, прожитую без радости».

Он мысленно повторил эти строки, но, не обладая литературным талантом, не смог понять их смысла, однако почувствовал глубокую печаль, которая вызвала в нём тревогу, будто что-то настоящее, но неуловимое.

Фан Минцзюэ повернулся и, поднимаясь по ступенькам, сказал:

— Время позднее, завтра рано...

Его слова оборвались.

— Ах!

В темноте Фан Минцзюэ поскользнулся, потерял равновесие и упал назад.

— Осторожно! — Сяо Цянь в ужасе протянул руку, но опоздал.

— Плюх!

Вода брызнула во все стороны.

Фан Минцзюэ упал в воду. Сяо Цянь, побледнев, бросил все свои покупки и прыгнул за ним.

Ледяная вода зимней реки заставила его зубы стучать. Он барахтался в воде, схватил Фан Минцзюэ за руку и попытался вытащить его на берег.

В этот момент из-под тёмного моста появилась лодка.

На носу стояли двое. Один из них ударил шестом по воде, создав волнение. Сяо Цянь потерял равновесие и начал тонуть. В темноте он лишь смог поднять руку, чтобы поддержать Фан Минцзюэ.

Рука ослабла.

Вдалеке загорелись огни. Сквозь рябь воды Сяо Цянь увидел, как двое на лодке спасли Фан Минцзюэ, завернули его в тёплый плащ.

Фан Минцзюэ не потерял сознание, он стоял на носу лодки и смотрел вниз.

Его волосы и лицо были мокрыми, ресницы, тяжёлые от воды, делали его взгляд нечитаемым. Он стоял холодно и спокойно, двое за его спиной почтительно склонили головы. Один из них толкнул лодку, и она удалилась.

Фан Минцзюэ, бледный, сказал:

— Сяо Ци не умеет плавать.

— Господин, это... неправильно, — один из них замялся, но в душе был в ужасе.

Не столько от жестокости поступка, сколько от того, что если бы это удалось, то провал был бы очевиден, и годы усилий пошли бы прахом. Как такой хитроумный человек, как император, мог так поступить?

Фан Минцзюэ понял скрытый смысл его слов, словно очнувшись, на его лице мелькнул ужас, и он резко закричал:

— Быстрее! Спасайте! Спасайте!

Лодка быстро вернулась, один из них прыгнул в воду, но вскоре поднялся:

— Господин, его нет!

Фан Минцзюэ пошатнулся, чуть не упал в воду, его губы дрожали, но он не мог вымолвить ни слова.

Он попытался заговорить, но увидел, как подчинённый с ужасом смотрит на него. Он поднял руку и вытер с лица воду.

Фан Минцзюэ замер, как вдруг человек, который всплыл, снова исчез под водой. Прежде чем

он успел среагировать, человек рядом с ним тоже закричал и упал в воду.

Фан Минцзюэ почувствовал холод, отступил и ощутил, как лодка содрогнулась. Мокрая рука обвила его, ладонь закрыла глаза, словно водяной дух.

Его напряжённая спина неожиданно расслабилась, словно душа покинула тело, и он покорно откинулся назад.

Сяо Цянь, вытирая воду, взглянул на Фан Минцзюэ, отпустил его.

Фан Минцзюэ дрожащими руками снял плащ и накинул его на Сяо Цяня, но тот оттолкнул его, пнул дверь каюты и вошёл внутрь.

Фан Минцзюэ последовал за ним, увидев, как Сяо Цянь сидит и выжимает воду из одежды.

Он положил плащ в сторону, достал маленькую печку, несколько раз чиркнул огнивом и зажёл её.

Тепло постепенно распространилось.

Он смотрел на лицо Сяо Цяня, бледное от холода, с напряжённым подбородком и сжатыми губами, выглядевшее сурово и пугающе. Фан Минцзюэ подошёл ближе и начал сушить его одежду.

Сяо Цянь взглянул на него, но не остановил.

Пока одежда сохла, двое, упавшие в воду, поднялись на борт, и Фан Минцзюэ жестом отправил их грести.

Они плыли в полной тишине, атмосфера была странной.

Только к третьей страже они, мокрые и замёрзшие, вернулись во дворец. Сяо Цянь, как ни в чём не бывало, пока Фан Минцзюэ принимал ванну, велел Сяо Дэцзы принести имбирный чай и горячий суп, ожидая снаружи.

Фан Минцзюэ выпил чай, его осмотрел придворный врач, убедившись, что всё в порядке, и только тогда Сяо Цянь отпустил его, сам отправившись мыться.

В Зале Сунъян всё было как обычно, но Линь Лин и Сяо Дэцзы почувствовали, что что-то не так. Само их возвращение в таком виде говорило о произошедшем. Однако, будучи слугами, они не могли вмешиваться и быстро удалились.

Сяо Цянь вышел после ванны и увидел Фан Минцзюэ, сидящего на кровати, бледного и смотрящего на него.

Его холодное выражение лица наконец смягчилось, уголки губ слегка приподнялись.

Он подошёл к нему, наклонился и поцеловал его слегка побелевшие губы, затем сказал:

— Ваше Величество, давайте разведёмся.

Фан Минцзюэ побледнел.

Его глаза расширились, он с недоверием смотрел на лицо Сяо Цяня, находившееся так близко.

Сяо Цянь слегка приподнял подбородок, его тонкие губы изогнулись в резкой улыбке, веки опустились, выпуская несколько лучей печального света.

— Ты... что ты имеешь в виду? — губы Фан Минцзюэ дрожали.

Сяо Цянь выпрямился и отступил назад:

— Если мы друг другу надоели, зачем мучить себя?

<http://bllate.org/book/16207/1454827>